

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА города Москвы С О В Е Т

РЕШЕНИЕ

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе ..., с участием адвокатов С. и Р., рассмотрев в закрытом заседании с использованием видеоконференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по представлению Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве от 25 ноября 2020 года № ..., основанному на обращении врио начальника ФКУ СИЗО-1 ФСИН России Г. от 04 ноября 2020 года и старшего следователя по особо важным делам при Председателе СК РФ Х. от 11 ноября 2020 года (вх. № ... от 30.11.2020), в отношении адвоката С. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы), и по представлению Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве от 11 января 2021 года № ..., основанному на обращении старшего следователя по особо важным делам при Председателе СК РФ Х. от 07 декабря 2020 года (вх. № ... от 27.01.2021), в отношении адвокатов С. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы) и Р. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы),

установил:

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 03 марта 2021 года дисциплинарное производство в отношении адвокатов С. и Р. подлежит прекращению вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвокатов нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат С. в заседании Совета подтвердила своевременность получения Заключения, ознакомление с ним, с выводами Комиссии согласилась. Адвокат Р. в заседании Совета также подтвердил своевременность получения Заключения, ознакомление с ним, с выводами Комиссии согласился. Отвечая на вопросы членов Совета, адвокаты С. и Р. пояснили, что по уголовному делу сейчас происходит ознакомление с материалами в порядке ст. 217 УПК РФ; они по-прежнему продолжают осуществлять защиту.

Представитель Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве Е. 27.04.2021 сообщила, что не сможет участвовать в заседании Совета; доводы Главного управления Министерства

юстиции Российской Федерации по Москве поддерживает (вх. № ... от 27.04.2021).

Руководствуясь положениями пункта 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, определяющего, что неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, Совет рассмотрел дело при имеющейся явке.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, выслушав адвокатов С., Р., в полном объеме соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и её выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

Так, установлено, что в производстве Следственного комитета РФ находится уголовное дело № ..., возбужденное 21 февраля 2012 года по признакам преступлений, предусмотренных п. «а», «в» и «ж» ч. 2 ст. 126, п. «а» и «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ. По данному уголовному делу М. предъявлено обвинение в совершении преступлений, предусмотренных ст. 210.1, ч. 4 ст. 210, ч. 1 ст. 209, п. «а», «ж» и «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ. С 09 июля 2020 года защиту М. осуществляют защитники по соглашению – адвокаты С. и Р.

29 октября 2020 года с 13.54 час. по 17.45 час. и 03 ноября 2020 года с 13.40 час. по 17.11 час. в помещении ФКУ СИЗО-1 ФСИН России следователями следственной группы Б., Б.К и Н. производилась очная ставка с ведением видеозаписи между обвиняемыми К. и М. при участии защитника К. – адвоката С.А. и защитника М. – адвоката С. В протоколе очной ставки имеется отметка следователя о том, что обвиняемый М. и адвокат С. от подписи отказались.

В этот же день в ходе проведения личного досмотра адвоката С. заместителем начальника дневной смены отдела режима и охраны ФКУ СИЗО-1 ФСИН России Г.А. был обнаружен лист формата А4 с рукописным текстом следующего содержания: *«Я, М. 1964 г.р. 19 июля. Даю согласие своему защитнику С. на выступление, интервью, публикации в СМИ и социальных сетях по моему делу с указанием данных о моей личности и иных данных на её усмотрение. 3 ноября 2020 года»*, о чем был составлен соответствующий протокол, к которому адвокат С. приобщила собственноручное объяснение следующего содержания: *«По факту обнаружения рукописного заявления М. о представлении мне полномочий выступать в СМИ и публиковать материалы в соц. сетях хочу пояснить, что на столе в следственном кабинете № 7 наши бумаги – мои и М. – листы А4 перемешались. Данное заявление было подготовлено им себе, в качестве образца. И видимо, неумышленно, случайно, тем более ввиду резкого ухудшения состояния здоровья, из-за поведения сотрудников СК и сотрудников ФСИН, в частности Г.А., который в течении 2,5 часов игнорировал мои просьбы по вызову врача и необходимости посещения туалета. Данные обстоятельства могли повлиять на то, что я могла случайно взять на столе что-то из бумаг М. помимо своих документов»*. На указанном объяснении указано время 21.00 час.

19 ноября 2020 года с 12.37 час. по 14.52 час. в кабинете № 318 СК РФ

следователем М. Д. производилась очная ставка между обвиняемыми И. и М., в ходе которой осуществлялась видеозапись. Очная ставка производилась при участии защитника И. – адвоката О. и защитников М. – адвокатов С. и Р.

В 19.45 час. следователь М.Д. предоставил обвиняемому М. для ознакомления протокол очной ставки. В 20.11 час. несколько листов протокола очной ставки были предоставлены для ознакомления адвокату С. В протоколе очной ставки между обвиняемыми И. и М. имеется отметка следователя М.Д. о том, что обвиняемый М. и адвокат Р. от подписи отказались. Адвокат С. подписала первые девять листов протокола очной ставки.

Рассматривая доводы представления о том, что адвокат С. 03 ноября 2020 года отказалась от продолжения ознакомления с протоколом очной ставки между обвиняемыми К. и М., видеозаписью к нему и в 19.00 час. покинула помещение следственного кабинета, не подписав протокол очной ставки и не удостоверив факт отказа от подписи ее подзащитного М., Совет признаёт, что они не нашли своего подтверждения в ходе рассмотрения настоящего дисциплинарного производства.

В своих устных и письменных объяснениях адвокат С. указывает, что 03 ноября 2020 года она и обвиняемый М. не отказывались от ознакомления и подписания протокола очной ставки между обвиняемыми К. и М., а наоборот, следователи Б., Б.К. и Н. покинули следственный кабинет и территорию ФКУ СИЗО-1 ФСИН России.

Как указано выше, очная ставка между обвиняемыми К. и М. производилась два дня (29 октября и 03 ноября 2020 года) и фиксировалась на видеозапись. 03 ноября 2020 года очная ставка была возобновлена в 13.40 час. и с перерывами фактически продолжалась до 17.11 час. После окончания очной ставки в 17.58 час. следователем был составлен её протокол, затем адвокату С. и обвиняемому М. было предложено ознакомиться с ним и видеозаписью очной ставки продолжительностью восемь часов, после чего подписать протокол очной ставки.

Поскольку в период времени с 17.58 час. до 22.00 час. 03 ноября 2020 года, учитывая необходимость объявления перерыва для принятия М. пищи, было очевидно невозможно ознакомиться в полном объеме с протоколом очной ставки на сорока листах и видеозаписью продолжительностью восемь часов, адвокат С., действуя разумно и добросовестно, ходатайствовала о приостановлении и отложении ознакомления с протоколом очной ставки на другую дату, в чем ей было отказано, а в протоколе очной ставки следователем было указано, что адвокат С. и обвиняемый М. от подписи отказались.

Из объяснений адвоката С. также следует, что после того, как М. увели из следственного кабинета для приема пищи, ей стало плохо, и она попросила вызвать врача. Спустя продолжительное время вместо врача в следственный кабинет пришел сотрудник ФКУ СИЗО-1 ФСИН России, который представился медицинским работником и дал адвокату С. две таблетки валерианы. После этого адвокат С. сообщила следователям

следственной группы, что дальше не может продолжать знакомиться с протоколом очной ставки в связи с плохим самочувствием.

Объяснения адвоката С. в указанной части заявителем не опровергнуты.

Вместе с тем, из протокола личного досмотра, досмотра вещей, записей, находящихся при адвокате С., усматривается, что он был составлен 03 ноября 2020 года в 19.50 час., что опровергает доводы представления о том, что адвокат С. в 19.00 час. покинула следственный кабинет. К этому протоколу адвокат С. приобщила собственноручные объяснения, в которых, в том числе, указала, что у нее резко ухудшилось состояние здоровья из-за поведения сотрудников СК РФ и сотрудников ФКУ СИЗО-1 ФСИН России. На заявлении стоит время 21.00 час. Кроме того, 04 ноября 2020 года адвокат С. была вынуждена обратиться в Городскую поликлинику № ... Департамента Здравоохранения города Москвы за оказанием медицинской помощи.

Учитывая установленные обстоятельства, Совет приходит к выводу о том, что адвокат С. 03 ноября 2020 года не отказывалась подписывать протокол очной ставки между обвиняемыми К. и М. и не нарушила нормы законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Рассматривая доводы представления о том, что 03 ноября 2020 года после окончания свидания с обвиняемым М., в ходе досмотра вещей, у адвоката С. был обнаружен и изъят лист бумаги формата А4 с указанным выше текстом, написанным М., который адвокат С. незаконно, минуя администрацию ФКУ СИЗО-1 ФСИН России, пыталась вынести с территории учреждения, Совет отмечает, что согласно Федеральному закону от 15 июля 1995 года № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», подозреваемым и обвиняемым в совершении преступлений, в отношении которых избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, разрешается вести переписку с родственниками и иными лицами без ограничения числа получаемых и отправляемых телеграмм и писем; переписка подозреваемых и обвиняемых осуществляется только через администрацию места содержания под стражей и подвергается цензуре; цензура осуществляется администрацией места содержания под стражей, а в случае необходимости лицом или органом, в производстве которых находится уголовное дело (ч. 1 и 2 ст. 20). При этом частью 4 ст. 32 того же закона установлено, что переговоры, передача каких-либо предметов и переписка подозреваемых и обвиняемых с лицами, находящимися на свободе, осуществляются в соответствии с требованиями настоящего Федерального закона.

Органы адвокатского самоуправления в своей дисциплинарной практике, ориентируясь на утвержденные Министерством юстиции РФ «Правила внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы» (Приказ от 14 октября 2005 г. № 189 с последующими изменения и дополнениями), исходят из запрета на передачу

адвокатом подзащитному сведений, которые могут препятствовать установлению истины по уголовному делу или способствовать совершению преступления (см., например, Вестник Адвокатской палаты города Москвы. Выпуск №2 (132) за 2016. С. 73-74). Но документы и записи, относящиеся к уголовному делу, либо касающиеся вопросов реализации прав и законных интересов обвиняемых, не относятся к запрещенным предметам, и обвиняемый вправе иметь их при себе и хранить. Наличие у содержащегося под стражей лица при себе и/или передача защитнику таких документов и записей, которые как самостоятельная правовая категория прямо исключены законодателем из числа так называемых запрещенных предметов, не может рассматриваться как нарушение законодательства и Правил внутреннего распорядка СИЗО, в частности, как незаконная переписка.

На обнаруженном у адвоката С. листе формата А4, содержится заявление доверителя адвоката С. - М., адресованное ей и освобождающее её от обязанности хранить профессиональную тайну, а именно разрешающее ей выступать, давать интервью и делать публикации в средствах массовой информации и социальных сетях по уголовному делу, в котором М. является обвиняемым.

В этой связи Совет обращает внимание на то, что в соответствии с п. 3 ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката согласие доверителя на прекращение действия адвокатской тайны должно быть выражено в присутствии адвоката в условиях, исключающих воздействие на доверителя со стороны адвоката и третьих лиц.

С учетом изложенного указанное заявление обвиняемого М. является документом адвокатского производства и не может расцениваться как переписка с родственниками и иными лицами, которая по смыслу ч. 1 и 2 ст. 20 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» осуществляется через администрацию СИЗО и подлежит цензуре. Оно представляет собою документ, связанный с осуществлением адвокатом С. профессиональной деятельности.

Кроме того, Совет обращает внимание на пояснение адвоката С., что изъятый у нее лист бумаги с текстом попал к ней случайно, и этот довод заявителем не опровергнут. При этом дисциплинарная ответственность может наступить, при наличии оснований для этого, только за нарушение, совершённое адвокатом умышленно или по грубой неосторожности.

С учетом изложенного, Совет признаёт не опровергнутой презумпцию добросовестности адвоката С. в части, касающейся дисциплинарного обвинения в том, что она 03 ноября 2020 года после окончания свидания с обвиняемым М. незаконно, минуя администрацию ФКУ СИЗО-1 ФСИН России, пыталась вынести с территории учреждения лист бумаги формата А4 с текстом, написанным М.

Рассматривая доводы представления о том, что 19 ноября 2020 года в 19.45 час. защитникам М. – адвокатам С. и Р. представлен для ознакомления протокол очной ставки между обвиняемыми М. и И., однако защитник С.

«вместо ознакомления с протоколом следственного действия постоянно пользовалась мобильным устройством, в результате этого по состоянию на 21.19 час., то есть через 1.34 час, она ознакомилась лишь с тремя листами протокола, подписала девять листов протокола, при этом пометив на каждом листе протокола время ознакомления, не соответствующее действительности, а защитник Р. отказался от ознакомления с протоколом очной ставки и от его подписания», Совет обращает внимание на то, что дисциплинарные обвинения в указанной части являются неконкретными и ничем не подтверждены. Так, в представлении не указано, в какой именно момент на представленных в материалы дисциплинарного производства видеозаписях очной ставки между обвиняемыми М. и И. защитник С. вместо ознакомления с протоколом следственного действия пользуется мобильным устройством и в чём именно это «пользование» выражается, вследствие чего проанализировать доводы представления в указанной части не представляется возможным. Адвокат С. указала в своих объяснениях, что пользовалась смартфоном для того, чтобы делать в нем пометки по мере ознакомления с протоколом очной ставки от 19 ноября 2020 года и смотреть в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» положения УПК РФ, указанные следователем в протоколе очной ставки, что не запрещено уголовно-процессуальным законодательством. Эти доводы адвоката заявителем не опровергнуты.

Как следует из содержания письменных объяснений адвоката Р., 19 ноября 2020 года в 19.45 час. обвиняемому М. для ознакомления был предъявлен протокол очной ставки от 19 ноября 2020 года между ним и обвиняемым И. Обвиняемый М. начал знакомиться с указанным протоколом и передавать по одному листу протокола для ознакомления другому обвиняемому - И. Адвокаты С. и Р. не могли знакомиться с указанным протоколом, поскольку с ним знакомились другие участники процессуального действия.

Протокол очной ставки между обвиняемыми М. и И. в полном объеме был предъявлен для ознакомления адвокату С. только в 21.37 час. Следователь М.Д. предъявил адвокату Р. копию протокола очной ставки, которая не была заверена надлежащим образом, не подписана следователем, а представляла собой «набор разрозненных листов», и предложил адвокату Р. ознакомиться с этой копией. В связи с «неустановленной природой вышеуказанного документа» адвокат Р. попросил у следователя М.Д. лично произвести проверку аутентичности текста светоконии протокола очной ставки с текстом, находящемся в компьютере следователя. Однако следователь М.Д. отказал адвокату Р. в этом.

Как следует из письменных объяснений адвоката С., 19 ноября 2020 года она добросовестно знакомилась с предоставленными листами протокола очной ставки между обвиняемыми М. и И., напечатанном на 41 листе, в спокойном и достаточном темпе, делая необходимые пометки, как рукописно в блокноте, так и в своем мобильном устройстве. Указание о том, что адвокат С. ознакомилась только с тремя листами протокола очной ставки от 19 ноября

2020 года, не соответствует содержанию указанного протокола.

Помимо письменных объяснений адвоката С., указанные обстоятельства подтверждаются представленной адвокатом аудиозаписью событий, произошедших в помещении следственного органа 19 ноября 2020 года. Из содержания аудиозаписей усматривается, что следователь следственной группы М.Д. предоставил для ознакомления адвокату С. все листы протокола очной ставки между обвиняемыми М. и И. только в 21.37 час. Видеозаписи, приложенные к представлению заявителя, также подтверждают обстоятельства, изложенные адвокатами С. и Р. Из указанных видеозаписей усматривается, что протокол очной ставки между обвиняемыми М. и И. 19 ноября 2020 года в 19.45 час. представлен для ознакомления обвиняемому М., а не его защитникам – адвокатам С. и Р. Причем адвокат Р. не отказывался от ознакомления и подписания протокола очной ставки, а просил у следователя М.Д. предоставить ему возможность ознакомиться с теми листами протокола очной ставки между обвиняемыми М. и И., который адвокат Р. в дальнейшем будет подписывать.

С учётом изложенного Совет признаёт установленным, что 19 ноября 2020 года следователь М.Д. не предоставил адвокату Р. для ознакомления протокол очной ставки между обвиняемыми М. и И. от 19 ноября 2020 года.

Совет также отмечает, что в ходе ознакомления адвоката С. с протоколом очной ставки между обвиняемыми М. и И. следователь М.Д. неоднократно сообщал адвокату С., что она не вправе переписывать содержание протокола очной ставки, делать из него какие-либо выписки, предлагал ознакомиться с протоколом только путем личного прочтения, что очевидно было направлено на незаконное ограничение полномочий защитника, предусмотренных пп. 6 ч. 1 ст. 53 УПК РФ.

При таких обстоятельствах Совет признаёт презумпцию добросовестности адвокатов С. и Р. не опровергнутой также и в данной части и приходит к выводу о том, что адвокаты не допустили нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы

р е ш и л:

1. Прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката С. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы) по представлению Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве от 25 ноября 2020 года № ..., основанному на обращении врио начальника ФКУ СИЗО-1 ФСИН России Г. от 04 ноября 2020 года и старшего следователя по особо важным делам при Председателе СК РФ Х. от 11 ноября 2020 года (вх. № ... от 30.11.2020), и по

представлению Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве от 11 января 2021 года № ..., основанному на обращении старшего следователя по особо важным делам при Председателе СК РФ Х. от 07 декабря 2020 года (вх. № ... от 27.01.2021) вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

2. Прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Р. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы) по представлению Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве от 11 января 2021 года № ..., основанному на обращении старшего следователя по особо важным делам при Председателе СК РФ Х. от 07 декабря 2020 года (вх. № ... от 27.01.2021), вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

**Президент
Адвокатской палаты города Москвы**

И.А. Поляков